

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 327

Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси)

Н. М. Межевич, В. В. Шимов

Институт Европы РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., 11

Для цитирования: *Межевич Н. М., Шимов В. В.* Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 436–450. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406>

В статье рассматривается концепт среднего государства и его проблематичность для современной политической науки. На основе анализа сложившихся к настоящему времени концепций среднего государства авторы приходят к выводу о размытости и неопределенности его критериев. Исходя из этого делается вывод, что среднее государство — это не столько некий набор признаков, характеризующих ту или иную страну, сколько политическая роль, которую то или иное государство готово играть на международной арене. При этом на роль среднего государства могут претендовать столь разные по масштабам страны, как Индия и государства Скандинавии. Отличительной чертой среднего государства является склонность к многовекторной политике, геополитическому балансированию и многосторонним альянсам. На примере Беларуси авторы показывают, как эта постсоветская республика пытается реализовать роль среднего государства на международной арене. В отличие от своих соседей, государств Прибалтики и Украины, которые избрали модель малых государств — клиентов Запада, Беларусь шла по пути среднего государства, балансирующего между Россией, ЕС, Китаем и государствами «дальней дуги», при сохранении тесного союза с Россией как приоритетного направления внешней политики. В статье отмечаются трудности, с которыми столкнулось Союзное государство России и Беларуси из-за неодинакового видения его участниками своих ролей. В заключении делается вывод, о том, что прежняя модель белорусской многовекторности в новых геополитических условиях себя исчерпала, а Союзное государство может обрести новый смысл как один из геополитических центров в формирующемся мире «сталкивающихся цивилизаций». При этом роль Бе-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ларуси как среднего государства — равноправного партнера России может быть сохранена.

Ключевые слова: среднее государство, Беларусь, многовекторность, Союзное государство.

Проблематика малых и средних стран для нас, международных, специалистов по зарубежному регионоведению, принципиально важна с практической точки зрения. Типология стран позволяет при решении практических задач, например прогнозировании, не начинать анализ с «чистого листа», а использовать определенный набор базовых алгоритмов заранее установленного характера. Однако решение практических вопросов невозможно без хотя бы относительной теоретической ясности.

Вопросы, связанные с малыми странами, в последние годы в России стали изучаться качественно больше и лучше. Прежде всего следует упомянуть работы доктора политических наук В. А. Смирнова [1–3]. Стартовой предпосылкой для нашего анализа является программный тезис В. А. Смирнова: «Для малых стран в отличие от крупных государств особую важность представляет понятие внешнеполитической среды, в которой политические элиты ищут место для своего государства, выступая агентом интересов крупных держав. В случае малых стран заметна взаимосвязанность внешнеполитической конъюнктуры, прежде всего текущей, и императива сохранения власти, которая во многом определяет пространство маневра действий политической элиты» [4, с. 40]. Отмечен крайне важный момент, и авторы статьи согласны с данной оценкой. Однако обратим внимание на противопоставление «малая страна — крупная держава». Прослеживается необходимость в промежуточных звеньях. Одним из таких звеньев является «средняя страна».

В Санкт-Петербурге, Москве, Калининграде сформировались научные школы, в рамках которых проблематика малых стран рассматривается в контексте ключевых проблем международных отношений. Следует указать на то, что в силу ряда обстоятельств большинство российских исследователей анализируют внешнеполитические практики стран Прибалтики и реже — Финляндии как оптимальный пространственный субстрат для анализа. Работы Д. А. Ланко [5–7], Ю. М. Зверева [8], В. А. Оленченко [9; 10], К. К. Худолея [11], Н. М. Межевича [12], В. В. Воротникова [13; 14] следует упомянуть прежде всего.

Обращает на себя внимание то, что пространственный базис большинства исследований — страны Прибалтики. Разумеется, есть исключения, примеры доказательного отнесения к малым странам иных государств. Так, профессор В. Швейцер справедливо указывает на то, что примером малых стран и их сотрудничества является взаимодействие Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна. «Развитые экономические связи внутри этих “троек” являются еще одним значимым аргументом для отнесения их к некоей общности» [15, с. 47].

Среди трудов, посвященных исследованиям малых стран, преобладают зарубежные исследования, укажем на классические работы М. Иста [16], М. Уоллиса [17], С. Кузнеця [18], Ф. Даникена [19], Р. Ротстайна [20] Особо хотелось бы отметить работы Саймона Кузнеця, совместившего экономический анализ с весьма ценными политологическими наблюдениями.

Труды, посвященные средним странам, конечно же, составляют определенную часть классических работ по международным отношениям. В России работы, посвященные средним странам, встречаются значительно реже [21; 22].

Понятие «средние государства», т. е. государства, занимающие промежуточное положение между «великими» и «малыми» державами, является достаточно проблемным для современной политической науки. Проблематичным оказывается выделение критериев, по которым то или иное государство может быть определено как среднее, а также определение роли этих государств в международной системе.

В. В. Вершинина выделяет три основных подхода к определению средних государств, которые сложились в западной политической науке: иерархический, поведенческий и конструктивистский. Иерархический подход сосредоточен на количественных показателях: ВВП, численность населения, площадь территории, вооруженные силы и т. п. Поведенческий подход рассматривает средние государства сквозь призму их внешнеполитического позиционирования и поведения на международной арене. С этой точки зрения обычно отмечается склонность средних государств к посредническим функциям, многовекторной политике, а также активному участию в международных организациях, через которые такие страны проводят свои национальные интересы. Наконец, конструктивистский подход исходит из того, что в основе понятия среднего государства лежат не некие объективные критерии, а в первую очередь самовосприятие государства в качестве такового. Средним является государство, которое считает себя таковым. Среднее государство — это социальный конструкт, «роль в поисках актера». Конструктивистский подход представляет интерес для нас, так как и Беларусь, и Эстония, и Украина на ранних этапах сначала позиционировали свою модель внешней политики, а затем вошли в стадию осознания провозглашенных императивов.

Размытость критериев среднего государства и противоречивость трактовок зачастую приводит к тому, что под это понятие могут подводиться столь различные государства, как Индия или скандинавские страны. Индия с позиции мировой экономики — средняя страна. К скандинавским странам, к примеру, относится Швеция, площадь которой 448 тыс. кв. км, или десять Эстоний. Однако если Эстония, безусловно, малая страна, то как позиционировать Швецию?

Исходя из этого следует признать, что идея среднего государства как социального конструкта, «воображаемого сообщества» [23], представляется наиболее оправданной при анализе этого феномена. Именно «воображаемый образ» среднего государства и его характеристик, а также самоидентификация политической элиты с этим образом позволяет тому или иному государству позиционироваться в качестве среднего.

Вместе с тем, поскольку само понятие среднего государства в основе своей несет апелляцию к иерархичности и количественным критериям, понятно, что такое государство должно соответствовать определенным показателям, хотя рамки этих показателей будут весьма широки (опять же, см. пример с Индией и Скандинавскими странами).

Конечно, среднее государство также предполагает и определенный паттерн поведения. Средние государства осознают недостаточность собственных ресурсов и возможностей по сравнению с великими державами. Вместе с тем они стремятся играть более самостоятельную роль по сравнению с малыми государствами и избе-

гают патрон-клиентских отношений, характерных для последних. Это предопределяет их тяготение к многовекторной политике, геополитическому балансированию и активному задействованию международных многосторонних форматов.

Наконец, следует учитывать контекст, в котором мы говорим о средних государствах: идет ли речь о глобальной или о региональной международной системе. Очевидно, на разных уровнях одно и то же государство может выступать и как среднее, и как малое. Если говорить о Беларуси, то на мировом уровне она выступает скорее как малое государство, а вот в масштабах Европы и в особенности восточноевропейского региона о ней уже можно говорить как о среднем государстве.

Таким образом, ключевым для идентификации среднего государства является его самоопределение в качестве такового, опирающееся на определенный набор объективных показателей и характеристик. Набор этих характеристик не носит строгого характера и имеет достаточно широко варьирующие рамки. Это, в свою очередь, обуславливает подвижность и изменчивость роли такого государства, когда оно в разных ситуациях и контекстах может выступать и как среднее, и как малое, комбинировать и менять эти роли в зависимости от ситуации и конъюнктуры.

Не менее важным для определения среднего государства является и то, как его воспринимают партнеры и соседи, т. е. готовы ли они видеть в нем именно среднее государство.

В рамках теоретической части работы приведем классическое определение Р. Кохейна и оттолкнемся от него в своем анализе. Американский политолог, профессор Принстонского университета и видный представитель нелиберального институционализма определяет державу среднего уровня как «государство, лидеры которого полагают, что оно не может действовать эффективно в одиночку, но может иметь систематическое влияние на небольшую группу стран или через какие-либо международные институты» [24, р. 296]. Укажем на то, что подобная формулировка дает нам все основания рассмотреть вопросы белорусской многовекторности именно в контексте подходов Р. Кохейна. Применительно к Белоруссии¹ данный подход ранее не рассматривался.

Категории «сверхдержава», «крупное государство», «малая страна», «микрогосударство» наиболее очевидны и изучены. Это логично. Крайние, полярные позиции легко структурируются и доказываются, существенно сложнее определить, каков набор системных признаков для средней страны. Средняя страна — это Франция/Нидерланды или Беларусь/Венгрия? С нашей точки зрения, оба варианта могут быть правильными, если ориентироваться на классические параметры — размер территории и численность населения. Экономические критерии, безусловно, помогают, но их измерение в современных условиях представляет собой самостоятельную проблему. К примеру, ВВП как показатель вызывает больше вопросов, чем ответов. Относительно США и Франция, и Беларусь не более чем средние страны.

Указанная проблема частично решается в том случае, если мы примем как аксиому то, что главным критерием является специфика позиционирования той или иной страны на международной арене. Не менее важно и то, как мировые державы

¹ Авторы используют названия Беларусь и Белоруссия как синонимы.

воспринимают эту страну. Последнее определяет три базовые модели проводимой государствами политики, формирующие, в свою очередь, «три типа международного поведения» и, соответственно, три типа стран:

— «Страна, чья внешняя политика направлена на сохранение мощи, а не на ее перераспределение в свою пользу, придерживается линии статус-кво.

— Страна, которая стремится путем изменения сложившегося соотношения сил обладать дополнительной мощью в сравнении с уже имеющейся, проводит политику империализма.

— Нация, чья внешняя политика заключается в демонстрации имеющейся мощи как с целью ее сохранения, так и с целью наращивания, проводит политику поддержания престижа» [25, p. 31].

Очевидно то, что к малым странам указанные «типы поведения» не относятся, но авторы уверены в том, что к средним странам первый тип внешнеполитического поведения может быть отнесен.

Р. Ротстайн считал малую страну государством, которое «сознает, что не способно обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должно опираться на помощь со стороны других государств, на различные институты, процессы и явления и т.п. Понимание малой страной собственного бессилия должно разделяться и другими государствами» [26, с. 48]. Иными словами, малое государство абсолютно уязвимо. «...Великие державы, разыгрывая свои международные интриги, активно вмешиваются во внутренние дела близлежащих малых государств. Но нам ясно, что идея внешнего вмешательства во внутренние дела этих государств является важной составляющей их внутривнутриполитической жизни, и она расписана по единому сценарию: сторона А обвиняет сторону Б в том, что та вступила в сговор со злокозненной внешней державой, тогда как сторона Б обвиняет сторону А в том, что та затевает нечто недоброе и устраивает провокации с целью сокрытия своих собственных провалов» [27]. Очевидно то, что малые страны вынуждены безоговорочно соглашаться с моделью подчинения, но это уже не так очевидно для средних стран.

Вероятно, именно здесь лежит трудноуловимый рубеж между малым и средним государством. Малое государство подчиняется внешнему воздействию без ограничений. Среднее государство, также ограниченное в маневре, все-таки имеет больше возможных сценариев. Для малых стран, в отличие от средних и тем более крупных государств, «особую важность представляет понятие внешнеполитической среды, в которой политические элиты ищут место для своего государства, выступая агентом интересов крупных держав. В случае малых стран заметна взаимосвязанность внешнеполитической конъюнктуры, прежде всего текущей, и императива сохранения власти, которая во многом определяет пространство маневра действий политической элиты» [28, с. 40].

Таким образом, мы считаем, что в реальности возможностей, сценариев для малых стран не существует более одного — примыкания. Как же тогда оценить спектр сценариев, предложенный литовскими политологами? Рассмотрим их: функциональные возможности малых стран очень жестко ограничены — буферная зона, дипломатический посредник, государство-барьер, геополитический шлюз, периферия [29]. С нашей точки зрения, это набор сценариев не для малых, а для средних стран.

В настоящее время «на фоне выделения многообразия возможных стратегий государств более отчетливо стала прослеживаться субъектность малых и средних стран, которые ранее рассматривались скорее как объекты политики центров силы и их жесткой конкуренции. В условиях менее конфронтационной международной среды для них открылись новые, более широкие возможности балансирования внешних угроз и выгодного примыкания. С учетом снижения опасности внешнего силового воздействия они получили возможность проявлять политическую активность: искусно использовать различные инструменты международного права и институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их в военном плане игроков» [22, с. 90].

Малые страны вынуждены не столько разрабатывать свою стратегию, сколько реализовывать чужую, более или менее их устраивающую, но определять ее в нужной им степени не могут [24]. Малому государству объективно проще иметь дело с состоявшимся лидером(ами), обладающим непревзойденной мощью и влиянием. Альтернатива — искать свой путь в «большой игре» одновременно решая вопросы формирования собственной государственности и выбора стратегии для государства, которого еще нет [8].

В теоретическом плане интересна теория баланса интересов, к примеру, работы Р. Швеллера. Он выделяет: «собственно балансирование, которое подразумевает создание противовеса опасному агрессору через объединение военных потенциалов и сдерживание его чрезмерного усиления; сверхбалансирование (*overbalancing*), когда цель — не противодействие конкретной, явной угрозе, а повышение собственной безопасности; небалансирование (*nonbalancing*), которое может принимать форму бездействия, рутинной дипломатии или примыкания; недобалансирование (*underbalancing*), или ошибочное балансирование, когда государство либо не противодействует реально существующей угрозе, либо делает это неэффективно» [22, с. 90]. Все эти положения имеют отношение к белорусским внешнеполитическим практикам XXI века.

С нашей точки зрения, Беларусь стремится именно к роли среднего государства, но в Союзном государстве. Именно это многое объясняет в отношениях Москвы и Минска. Минск старается придать Союзу характер равноправного взаимодействия при несопоставимых по масштабам субъектах союзных отношений. Дело даже не в том, что в отношениях с Россией официальный Минск постоянно подчеркивает равноправный характер отношений, важнее то, что на практике многое для этого сделано при молчаливом согласии России.

В Беларуси, со своей стороны, подозревают Россию в «имперском реваншизме» и стремлении ограничить или ликвидировать белорусский суверенитет. В силу этого тема интеграции с Россией нередко рассматривается сквозь призму угроз для белорусской независимости.

Однако при взгляде из России восприятие Беларуси как среднего государства зачастую оказывается проблематичным из-за колоссальной разницы в масштабах двух государств. Это, в свою очередь, ставит под сомнение выстраиваемую официальным Минском концепцию равноправного белорусско-российского партнерства. В России скорее распространен образ Беларуси как малого государства, которое по отношению к Москве «обязано» выступать как сателлит. Часть, хотя и сугу-

бо меньшая, российского экспертного сообщества выступает с подобных позиций. Притязания Беларуси на равноправное союзничество при таком подходе могут восприниматься как завышенные, необоснованные и направленные на получение льготного доступа к российским ресурсам и рынкам без ответных обязательств («нефть в обмен на поцелуи»).

С точки зрения теории международных отношений вопрос действительно не самый простой. Почему мы отказываем Эстонии в праве реализовать какую-то иную модель, кроме «примыкания»? Однако при этом соглашаемся на возможность для Беларуси быть «средним» государством с выраженной самостоятельной внешней политикой?

Таким образом, многие проблемы и противоречия между Москвой и Минском обуславливаются неодинаковым пониманием статуса и роли Беларуси в системе двусторонних отношений: Беларусь как среднее государство — равноправный партнер или Беларусь как малое государство — клиент России.

Экспертное сообщество и часть государственного аппарата в России и Беларуси объективно работают на торможение белорусско-российской интеграции и приводят к тому, что Союзное государство так медленно развивается даже в условиях феноменальных и по сути одинаковых внешних вызовов для Москвы и Минска. Невозможность договориться по поводу «ролей», которые Беларусь и Россия играют в рамках Союзного государства, делает затруднительным и развитие наднациональных органов власти. Основной проблемой здесь оказывается вопрос, на каких принципах в этих органах власти будет осуществляться внешнее, т. е. международное, представительство Беларуси и России.

Представительство, пропорциональное тем или иным объективным показателям (размеры территории, численность населения, объем экономики и т. п.), неприемлемо для белорусской стороны, поскольку автоматически означает практически полное «поглощение» белорусского суверенитета из-за разницы в масштабах двух стран. Однако это не исключает «позитивной дискриминации» России в пользу Беларуси и фактического доступа белорусских элит к управлению Россией и ее ресурсами через институты Союзного государства.

Таким образом, в рамках интеграционного проекта Союзного государства Беларусь стремится к роли среднего государства, выступающего в качестве равного союзника России. Однако реализовать на практике эту модель оказывается затруднительным из-за объективной разницы в масштабах двух стран. Статус Беларуси как среднего государства в отношениях с Россией является проблемным, однако на роль малого государства-клиента белорусская сторона также не согласна.

В этом отношении внешнеполитическое поведение Беларуси принципиально отличается от ее ближайших соседей — стран Прибалтики и Украины, для которых паттерн малого государства-клиента стал не просто определяющим, но безальтернативным.

Прибалтийские государства с момента обретения независимости взяли курс на интеграцию в евро-атлантические структуры, став типичными малыми странами, встроенными в миропорядок однополярной западной гегемонии, сложившейся по итогам холодной войны. При этом их своеобразной специализацией стало провоцирование геополитической напряженности на границах с Россией и нагнетание темы «российской угрозы». Такая стратегия позволяла привлекать к себе по-

вышенное внимание западных «патронов», а также получать дополнительные льготы и преференции с их стороны.

Во многом сходную эволюцию проделала и Украина. Будучи по своим социально-экономическим, демографическим, географическим параметрам достаточно крупным государством, Украина поначалу избрала курс геополитического лавирования, многовекторности и нейтралитета, без однозначного примыкания как к России как бывшему геополитическому «патрону», так и к евро-атлантическим структурам, ставшим претендовать на доминирование в Европе. Такое поведение в целом является типичным именно для средних государств.

Со временем, однако, происходит своего рода «прибалтизация» Украины, т. е. ее встраивание в западный миропорядок в качестве государства-сателлита, специализирующегося на провоцировании геополитической конфронтации с Россией. Подобная тенденция в эволюции Украины стала достаточно очевидной в президентство В. Ющенко, при котором Украине было обещано предоставление плана действий по вступлению НАТО, а общий внешнеполитический курс был направлен на последовательное сворачивание отношений с Россией. Окончательное превращение Украины в «малое» государство — сателлит Запада происходит после событий 2014 г.

Подчеркнем, с географической, демографической, экономической точек зрения Украина не может быть «малым государством». Однако, по нашему мнению, ключевой параметр, определяющий ранг страны с точки зрения теории международных отношений, — это отношение к суверенитету.

Украинский кейс наглядно демонстрирует, что понятия «малые» и «средние» государства в большей степени отражают политические роли, которые могут играть эти государства, нежели их объективные характеристики. При этом в разные периоды возможно переключение между режимами среднего и малого государства, а роль малых государств могут брать на себя даже такие достаточно крупные страны, как Украина.

Самопозиционирование страны как примыкающей, подлинно малой, имеет в основе комплекс жертвы у политической элиты, которая ищет покровителя, способного защитить от воображаемого обидчика. Для Прибалтики и Украины этот механизм сработал. Роль этого покровителя в постсоветских реалиях закономерно занял Запад. Таким образом, поведение Прибалтийских государств во многом обусловлено комплексом жертвы, мстящей своему обидчику и привлекающей для этого влиятельного покровителя. К примеру, демонстративный отказ от суверенитета был постулирован в Эстонии еще в 1993 г., в одном из публичных выступлений президента Л. Мери.

Однако Беларуси, ее элите и гражданам, оппозиция и коллективный Запад так и не смогли объяснить, в чем же она жертва России.

Несколько иначе развивалась ситуация на Украине, которая долгое время двигалась во внешнеполитической сфере по траектории, напоминающей белорусскую. «Оранжевая революция» 2004 г. и «евромайдан» 2014 г. знаменовали окончательный сдвиг Украины от концепции регионального среднего государства, исповедующего принципы нейтралитета и многовекторности, в пользу евро-атлантически ориентированного малого государства прибалтийского типа.

Беларусь принадлежит к тому же западному поясу бывшего СССР, что Прибалтика и Украина, и здесь действуют те же культурно-исторические и политические

тенденции, однако практическая их реализация в постсоветский период оказалась принципиально иной.

Белорусский этнический национализм, как и украинский, основан на противопоставлении России и испытывает те же трудности, обусловленные культурно-языковой близостью белорусов и русских, повсеместностью бытового русскоязычия и размытостью белорусского самосознания.

Белорусский национализм точно так же страдает комплексом жертвы² и стремится самоутвердиться за счет «бегства» от России и покровительства со стороны Запада. Победа белорусского национализма означала бы трансформацию Беларуси в типичное малое государство прибалтийского типа. Но развитие по модели малого государства украинско-прибалтийского типа оказалось для большинства жителей Беларуси невозможным. Нежелание официального Минска играть роль сателлита в рамках белорусско-российской интеграции так или иначе подталкивало Беларусь к многовекторности и геополитическому балансированию, типичному для средних государств.

В середине 2000-х годов, в условиях сохраняющейся конфронтации с ЕС и США, официальный Минск попытался сделать ставку на «государства дальней дуги» в качестве противовеса как России, так и Западу. Этот период отметился дипломатической активностью Минска в рамках Движения неприсоединения, а также стремительным сближением Беларуси с Венесуэлой Уго Чавеса.

Начиная с конца 2000-х годов Беларусь активно наращивает сотрудничество с Китаем. В этом отношении курс официального Минска во многом напоминал постсоветские государства Центральной Азии, для которых балансирование между Россией, Китаем и Западом также стало основой внешней политики. К слову, отношения с Китаем активно развивал и украинский президент В. Янукович, пытавшийся продолжить многовекторный курс Л. Кучмы.

Из этого можно сделать вывод, что постсоветские страны, пытавшиеся занять на международной арене нишу средних государств, стремились избавиться от геополитической дихотомии «Россия — Запад» и задействовать в своем внешнеполитическом позиционировании фактор третьих стран, прежде всего Китая (в случае Азербайджана — Турции).

С конца 2000-х годов начинается и новый этап в отношениях Беларуси и Запада. Символом этого становится комплекс отношений между Беларусью и ЕС в рамках «Восточного партнерства». Официальный Минск пытается выйти из тупика, в котором оказались его отношения с западными странами, и пойти на ограниченное сближение с ними. К этому подталкивало и развитие новых отраслей белорусской экономики (прежде всего сектора IT), завязанных на взаимодействие с западными корпорациями. Однако Брюссель настаивал на капитуляции, отказывая Минску даже в «литовском статусе».

Звездный час белорусской многовекторности наступил после событий 2014 г. на Украине. В этот период, пожалуй, в наиболее полной степени реализовался потенциал Беларуси как среднего государства, предлагающего себя в качестве ней-

² Показателен в этом плане во многом аналогичный украинскому «голодоморному» культу белорусский культ Куропат — расстрельного полигона под Минском, где, по версии белорусских националистов, в 1930-е годы большевиками уничтожалась белорусская национальная элита.

трального государства-посредника («Минские соглашения») и выступающего в роли «донора региональной стабильности» [30].

Вместе с тем проявляются и слабые стороны такой политики, которые в свое время сгубили и украинскую многовекторность. Во-первых, белорусская многовекторность развивалась на фоне явного кризиса белорусско-российской интеграции, в силу чего воспринималась как «дрейф» Беларуси от Москвы на Запад. Это способствовало нарастанию конфликтных тенденций в белорусско-российских отношениях в 2014–2020 гг.

Во-вторых, в этот период наблюдается явное усиление националистических нарративов. Позиционирование страны как многовекторного среднего государства, ограниченно сотрудничающего со всеми и однозначно не примыкающего ни к кому, так или иначе требует обоснования в виде четкого национального нарратива, объясняющего подобный выбор. Однако, учитывая, что никакой альтернативы этническому национализму прибалтийского типа за годы независимости в Беларуси не возникло, именно он начал заполнять идеологический вакуум, еще больше усиливая впечатление, что многовекторность — лишь прикрытие для дрейфа на Запад.

На этом фоне в Беларуси происходило активное развертывание западной сети влияния в виде всевозможных неправительственных организаций, гражданских инициатив, лидеров общественных мнений и т. п., опять же, порождая параллели с Украиной, где подобным образом организованное гражданское общество стало основной ударной силой «цветных революций» 2004 и 2014 гг.

События 2020 г. показали обоснованность этих опасений. Победа организованного прозападным гражданским обществом протеста практически наверняка означала бы возвращение Беларуси на типичный для стран западного пояса бывшего СССР путь малого государства прибалтийского типа.

На сегодняшний день классическая модель среднего многовекторного государства представляется для Беларуси исчерпанной. Как показал опыт Украины и самой Беларуси, многовекторность в условиях западного пояса бывшего СССР практически неизбежно заканчивается трансформацией в модель малого государства прибалтийского типа. В 2020 г. в Беларуси попытка подобной трансформации хоть и закончилась неудачей, но лишь подтвердила общую тенденцию.

Кроме того, в условиях нарастающей геополитической конфронтации России и Запада само пространство для многовекторных игр в регионе практически исчезло.

В связи с этим Беларусь снова оказывается перед проблемой выработки модели своего внешнеполитического позиционирования в условиях меняющегося миропорядка. По мнению авторов, в настоящее время развертывается практически уникальный эксперимент по созданию равноправного союза великой державы и среднего государства, основанный на новой модели перекрестного суверенитета и партнерства в глобальном мире.

Какими могут быть общие принципы этого союза? На наш взгляд, сейчас следует исходить из того, что прежняя модель глобального мироустройства, основанная на универсальных принципах международного права и унифицированной системе формально равных и суверенных государств, себя исчерпала и вступила в полосу кризиса и распада. На смену ей приходит мир относительно автономных

геополитических блоков, конкурирующих за ресурсы, технологии и влияние и во многом напоминающий мир «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Союзное государство в этом контексте может рассматриваться как ядро и образ одного из таких блоков, основанного на геополитической и цивилизационной платформе Российской империи и СССР, но при этом с пересмотром и адаптацией традиционной централизованной имперской модели к современным политическим реалиям.

Следует помнить, что само появление средних государств явилось результатом кризиса и распада старых имперских структур, сформированных европейской цивилизацией. Причем ревизия прежнего имперского централизма первоначально исходила не от азиатских и африканских колоний, а от территорий, в культурном, этноязыковом и цивилизационном смысле являвшихся прямым продолжением европейских метрополий. Неслучайно понятие среднего государства закрепилось в первую очередь за государствами англосаксонского корня — Канадой и Австралией.

Аналогия между Россией и Беларусью и англоязычными политическими нациями, возникшими в результате колониальной экспансии Великобритании, может оказаться весьма плодотворной в развитии принципов Союзного государства.

В традиционном имперском дискурсе России Беларусь, наравне с Украиной, всегда рассматривалась не как колониальная периферия, но как часть русского имперского ядра. Именно поэтому некоторые носители традиционного имперского сознания в России воспринимают как вызов само существованию Беларуси в качестве независимого государства. В качестве примера можно привести высказывание известного российского публициста Е. С. Холмогорова: «Наше разделение абсолютно искусственно. Сепаратность Белоруссии ведет к выдумыванию фантомных идеологий типа “литвинизма”, форменной исторической глупости» [31].

Как реакция на этот «империализм» в Беларуси возникают тенденции развивать национальную идентичность в духе максимального дистанцирования и обособления от России, что подрывает саму идею белорусско-российской интеграции.

Выходом из этого тупика могла бы стать модель, основанная на опыте культурно и этнически родственных средних государств, возникших в результате реформирования старых централизованных имперских моделей. Опыт государств так называемой англосферы или Германии и Австрии, которые в культурно-языковом отношении являются единым целым, но политически выступают самостоятельными нациями, поддерживающими тесные связи друг с другом, вполне применим к Беларуси и России.

В этом контексте можно говорить о Союзном государстве как о равноправном союзе двух политических наций, которые представляют единую этноязыковую общность, основанную на общих культурно-исторических корнях, но при этом выступающих как равноправные партнеры в рамках совместного геополитического проекта в мире «сталкивающихся цивилизаций» и продуцируемых ими конфликтов.

Литература

1. Смирнов, В. А. (2016), *Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика*, Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта.

2. Смирнов, В. А. (2017), *Политические элиты в малых странах: вопросы теории*, Москва: РОССПЭН.
3. Смирнов, В. А. (2014), К вопросу о роли малых стран в процессах переструктурирования пост-советского пространства (на примере Прибалтики), *Балтийский регион*, № 4 (22), с. 48–56.
4. Смирнов, В. А. (2019), Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма, *Современная Европа*, № 6, с. 40–47.
5. Ланко, Д. А. и Долженкова, Е. (2015), Латвия в территориальной системе европейской безопасности, *Балтийский регион*, № 1, с. 73–78.
6. Ланко, Д. А. (2015), Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х гг., *Балтийский регион*, № 2, с. 67–77.
7. Худoley, К. К. и Ланко, Д. А. (2019), Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13–20.
8. Зверев, Ю. М. и Межевич, Н. М. (2019), Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 181–191.
9. Оленченко, В. А. и Межевич, Н. М. (2021), Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 25–41.
10. Оленченко, В. А. (2020), Особенности и перспективы партийной жизни в странах Балтии, *Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. Доклады ИЕ РАН*, № 374, с. 109–116. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/374.pdf> (дата обращения: 20.08.2022).
11. Худoley, К. К. и Изотов, А. В. (2015), Европейские исследования: взгляд из Восточной Европы, *Балтийский регион*, № 1 (23), с. 159–163.
12. Межевич, Н. М. (2015), «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате?, *РСМД*, 18 сентября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-integratsiy-stoit-li-iskat-chyernuyu-koshku-v-t/> (дата обращения: 20.08.2022).
13. Воротников, В. В. и Иванова, Н. А. (2019), «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция, *Балтийский регион*, т. 11, № 3, с. 107–124.
14. Воротников, В. В. (2018), Актуальные проблемы диаспоральной политики стран Балтии, *Современная Европа*, № 7, с. 128–140.
15. Швейцер, В. Я. (2008), Европа: большой опыт малых стран, *Современная Европа*, № 4 (36), с. 46–58.
16. East, M. (1973), Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models, *World Politics*, no. 25 (4), pp. 556–576.
17. Wallis, M. (1986), *Vulnerability. Small States in the Global Society*, London: Commonwealth Secretariat, pp. 408–409.
18. Kuznets, S. (1960), *Demographic and Economic Change in Developed Countries*, Universities-National Bureau, National Bureau of Economic Research, Inc.
19. Däniken, F. von (1998), Is the Notion of Small State Still Relevant?, in: Goetschel, L. (ed.), *Small States Inside and Outside the European Union*, Boston, MA.: Springer, pp. 43–48.
20. Rothstein, R. L. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
21. Вершинина, В. В. (2020), «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов, *Сравнительная политика*, № 3, с. 25–40.
22. Скриба, А. (2014), Балансирование малых и средних государств, *Международные процессы*, т. 12, № 4, с. 88–100.
23. Anderson, B. (2006), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London and New York: Verso.
24. Keohane, R. O. (1969), Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics, *International Organization*, vol. 23, no. 2, pp. 291–310.
25. Morgenthau, H. (1965), *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*, New York: Knopf.
26. Rothstein, R. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
27. Радниц С. (2012), Применение теории внешних заговоров в качестве инструмента внутриполитической жизни на Кавказе, *Аналитическая записка № 243 ПОНАРС Евразия*, Сентябрь. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm243_russ_radnitz_sept2012.pdf (дата обращения: 20.08.2022).
28. Смирнов, В. А. (2019), Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма, *Современная Европа*, № 6, с. 40–47.

29. Laurinavicius, C., Motieka, E. and Statkus, N. (2005), *Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius*, Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.
30. Шимов, В. В. (2021), Белорусская многовекторность как фактор региональной политики на российско-европейском пограничье, *Аналитический бюллетень ИСПИРР*, гл. ред. Шорников, И. П., № 1–2 (6–7), с. 14–20.
31. «Воссоединение России с Белоруссией стало бы крупным национальным успехом» (2018), *Eurasia Daily*, 29 июня. URL: <https://easaily.com/ru/news/2018/06/29/vossoedinenie-rossii-s-belorussiey-stalo-by-krupnym-nacionalnym-uspehom> (дата обращения: 20.08.2022).

Статья поступила в редакцию 23 августа 2022 г.,
рекомендована к печати 12 октября 2022 г.

Контактная информация:

Межевич Николай Маратович — д-р экон. наук, проф., гл. науч. сотр.; mez13@mail.ru
Шимов Всеволод Владимирович — канд. полит. наук, доц., ст. науч. сотр.; vs.shimoff@gmail.com

The concept of multi-vector politics in the system of foreign policy practices of the average country (on the example of Belarus)

N. M. Mezhevich, V. V. Shimov

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
11, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Mezhevich N. M., Shimov V. V. The concept of multi-vector politics in the system of foreign policy practices of the average country (on the example of Belarus). *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 436–450.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406> (In Russian)

The article discusses the concept of the average state and its problematic for modern political science. Based on the analysis of the concepts of the average state that have developed to date, the authors come to the conclusion about the vagueness and uncertainty of the criteria of the average state. It is concluded that the average state is not so much a set of features that characterize a particular country, as the political role that a particular state is ready to play in the international arena. At the same time, countries as different in scale as India and the Scandinavian states can claim the role of an average state. A distinctive feature of the average state is a propensity for multi-vector politics, geopolitical balancing and multilateral alliances. Using the example of Belarus, the authors show how this post-Soviet republic is trying to realize the role of an average state in the international arena. Unlike its neighbors, the Baltic states and Ukraine, which chose the model of small client states of the West, Belarus followed the path of a medium-sized state balancing between Russia, the EU, China and the states of the “far arc”, while maintaining a close alliance with Russia as a priority direction of foreign policy. The article highlights the difficulties faced by the Union State of Russia and Belarus due to the unequal vision of its participants of their roles. In conclusion, it is concluded that the former model of the Belarusian multi-vector politics in the new geopolitical conditions is exhausted, and the Union State can gain a new meaning as one of the geopolitical centers in the emerging world of “colliding civilizations”. At the same time, the role of Belarus as an average state — an equal partner of Russia can be preserved.

Keywords: average state, Belarus, multi-vector politics, Union State of Russia and Belarus.

References

1. Smirnov, V. A. (2016), *Political Elites of Latvia, Lithuania and Estonia: Recruiting Factors and Structural Dynamics*, Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ. (In Russian)

2. Smirnov, V. A. (2017), *Political Elites in Small Countries: Questions of Theory*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
3. Smirnov, V. A. (2014), On the Issue of the Role of Small Countries in the Processes of Restructuring the Post-Soviet Space (on the Example of the Baltics), *Baltic Region*, no. 4 (22), pp. 48–56. (In Russian)
4. Smirnov, V. A. (2019), The Baltic States: Opportunities and Limitations of Institutional Regionalism, *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 40–47. (In Russian)
5. Lanko, D. A. and Dolzhenkova, E. (2015), Latvia in the territorial system of European security, *Baltic Region*, no. 1, pp. 73–78. (In Russian)
6. Lanko, D. A. (2015), Party-political system of the Republic of Estonia in the mid-2010s, *Baltic Region*, no. 2, pp. 67–77. (In Russian)
7. Khudoley, K. K. and Lanko, D. A. (2019), The Finnish Security Dilemma, NATO and the Eastern European Factor, *World economy and international relations*, vol. 63, no. 3, pp. 13–20. (In Russian)
8. Zverev, Yu. M. and Mezhevich, N. M. (2019), Approaches to the Typology of Small European countries on the Example of Estonia, Latvia, Lithuania, *Polis*, no. 5, pp. 181–191. (In Russian)
9. Olenchenko, V. A. and Mezhevich, N. M. (2021), The Visegrad Group and the Baltic Assembly: Coalitions within the European Union in Russian Foreign Policy Perceptions, *Baltic Region*, vol. 13, no. 3, pp. 25–41. (In Russian)
10. Olenchenko, V. A. (2020), Features and Perspectives of Party Life in the Baltic States, *Coalition governments in modern Europe: Chances and risks. Reports of IE RAS*, no. 374, pp. 109–116. Available at: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/374.pdf> (accessed: 20.08.2022). (In Russian)
11. Khudoley, K. K. and Izotov, A. V. (2015), European Studies: A Perspective from Eastern Europe, *Baltic Region*, no. 1 (23), pp. 159–163. (In Russian)
12. Mezhevich, N. M. (2015), “Integration of Integrations”: Is it worth looking for a black cat in a dark room?, *RIAC*, September 18. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-integratsiyi-stoit-li-iskat-chyernuyu-koshku-v-t/> (accessed: 20.08.2022). (In Russian)
13. Vorotnikov, V. V. and Ivanova, N. A. (2019), “Soft Power” of Russia in the Baltic Countries in the Research Focus: Traditions, Confrontation, Competition, *Baltic Region*, vol. 11, no. 3, pp. 107–124. (In Russian)
14. Vorotnikov, V. V. (2018), Actual Problems of the Diaspora Policy of the Baltic Countries, *Contemporary Europe*, no. 7, pp. 128–140. (In Russian)
15. Schweitzer, V. Ya. (2008), Europe: A Great Experience of Small Countries, *Contemporary Europe*, no. 4 (36), pp. 46–58. (In Russian)
16. East, M. (1973), Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models, *World Politics*, no. 25(4), pp. 556–576.
17. Wallis, M. (1986), *Vulnerability. Small States in the Global Society*, London: Commonwealth Secretariat, pp. 408–409.
18. Kuznets, S. (1960), *Demographic and Economic Change in Developed Countries*, Universities-National Bureau, National Bureau of Economic Research, Inc.
19. Däniken, F. von (1998), Is the Notion of Small State Still Relevant?, in: Goetschel, L. (ed.), *Small States Inside and Outside the European Union*, Boston, MA: Springer.
20. Rothstein, R. L. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
21. Vershinina, V. V. (2020), “Middle Powers” in International Relations: A Comparative Analysis of Conceptual Approaches, *Comparative politics Russia*, no. 3, pp. 25–40. (In Russian)
22. Skriba, A. (2014), Balancing Small and Medium States, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 12, no. 4, pp. 88–100. (In Russian)
23. Anderson, B. (2006), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London and New York: Verso.
24. Keohane, R. O. (1969), Lilliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics, *International Organization*, vol. 23, no. 2, pp. 291–310.
25. Morgenthau, H. (1965), *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*, New York: Knopf.
26. Rothstein, R. (1968), *Alliances and Small Powers*, New York: Columbia University Press.
27. Radnitz, S. (2012), The Use of External Conspiracy Theory as an Instrument of Internal Political Life in the Caucasus, *Policy Note no. 243 PONARS Eurasia*, September. Available at: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm243_russ_radnitz_sept2012.pdf (accessed: 20.08.2022). (In Russian)
28. Smirnov, V. A. (2019), The Baltic States: Opportunities and Limitations of Institutional Regionalism, *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 40–47. (In Russian)

29. Laurinavicius, C., Motieka, E. and Statkus, N. (2005), *Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius*, Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.
30. Shimov, V. V. (2021), Belarusian Multi-vector Approach as a Factor of Regional Policy on the Russian-European Border, *Analytical Bulletin of ISPIRR*, chief ed. Shornikov, I. P., no. 1–2 (6–7), pp. 14–20. (In Russian)
31. “The Reunification of Russia with Belarus Would be a Major National Success” (2018), *Eurasia Daily*, June 29. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2018/06/29/vossoedinenie-rossii-s-belorussiey-stalo-by-krupnym-nacionalnym-uspehom> (accessed: 20.08.2022). (In Russian)

Received: August 23, 2022
Accepted: October 12, 2022

Authors' information:

Nilokai M. Mezhevich — Dr. Sci. In Economics, Professor, Chief Researcher; mez13@mail.ru
Vsevolod V. Shimov — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher;
vs.shimoff@gmail.com